

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ КНИГИ И РЕЦЕНЗИИ INDEX LIBRORUM

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.148-157

Е. И. Колюшин*

Номo juridicus, юридизированное общество и государство в естественности правовой действительности, или Рецензия на исследование: Серков П. П. Правоотношение. (Теория и практика современной правовой политики) : в 2 частях. М. : Норма, 2023

Аннотация. По своему содержанию новое исследование профессора П. П. Серкова выходит далеко за пределы его номинального названия, которое предполагает акцентирование внимания на месте правоотношений в правовой политике.

Подобно древнеримскому полководцу Катону Старшему, который все свои выступления в сенате завершал одной и той же, посвященной печальной судьбе Карфагена фразой, профессор П. П. Серков любые пространные рассуждения о праве, правоотношениях, правовой политике, правовой идеологии, правовой социализации, правовых принципах, нравственности, религии так или иначе заканчивает выводом о действии появившегося, по его мнению, в догосударственную эпоху принципа эквивалентности, паритетности субъективных прав и обязанностей, который обосновывался в предыдущих работах.

Главные особенности юридического исследования — в привлечении методологии других наук (философии, политологии и психологии), а также в том, что правовая политика, позитивное право во всем мире подвергаются оценкам («право спит») не прямо, а косвенно — через обращение к правовой теории, которая критикуется за концентрацию на «искусственности права».

В рецензии на оригинальное исследование обращено внимание на крайности и противоречия в авторских позициях. В конструктивных его положениях оно наполняет и юридическую науку, и политологию новыми знаниями, обосновывающими необходимость сокращения неизбежной дистанции между политикой и правом за счет учета механизмов возникновения, развития и завершения правоотношений. В своей полемической части монография справедливо предупреждает юридическую науку об опасности движения по кругу, о необходимости адекватного восприятия реальности бытия с опорой на достижения других наук для повышения коэффициента своего полезного действия.

Ключевые слова: правоотношения; правовая политика; юридические закономерности; регуляторы общественных отношений; регуляторы межличностного общения; естественность правовой действительности; искусственность права; режим правовой динамики; режим правовых ощущений.

Для цитирования: Колюшин Е. И. Номo Juridicus, юридизированное общество и государство в естественности правовой действительности, или Рецензия на исследование: Серков П. П. Правоотношение. (Теория и практика современной правовой политики) : в 2 частях. М. : Норма, 2023 // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 6. — С. 148–157. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.148-157.

© Колюшин Е. И., 2023

* Колюшин Евгений Иванович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (МГУ)
Ленинские горы, д. 1, Москва, Россия, 119991
ekolushin@gmail.com

**Homo Juridicus, a Legalized Society and the State in the Naturalness of Legal Reality.
Review of the Study by P. P. Serkov: «Legal relationship.
(Theory and Practice of Modern Legal Policy)». Moscow: Norma, 2023**

Evgeniy I. Kolyushin, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University (MSU)
Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991
ekolushin@gmail.com

Abstract. According to its content, the new study presented by Professor P. P. Serkov goes far beyond its formal title, which means the focus on the place of legal relations in legal policy.

Like the ancient Roman commander Cato the Elder, who ended all his speeches in the Senate with the same phrase dedicated to the sad fate of Carthage, Professor P. P. Serkov ends any lengthy discussions about law, legal relations, legal policy, legal ideology, legal socialization, legal principles, morality, religion in one way or another with a conclusion about the effect of what appeared, in his opinion, in the pre-state era, the principle of equivalence, parity of subjective rights and obligations, which was justified in previous works.

The main features of legal research are the involvement of the methodology of other sciences (philosophy, political science and psychology), as well as the fact that legal policy, positive law around the world are evaluated («law sleeps») not directly, but indirectly—through an appeal to legal theory, which is criticized for focusing on the «artificiality of law».

The review of the original research draws attention to the extremes and contradictions in the author's positions. In its constructive provisions, it fills both legal science and political science with new knowledge, justifying the need to reduce the inevitable distance between politics and law by taking into account the mechanisms of the emergence, development and completion of legal relations. In its polemical part, the monograph rightly warns legal science about the danger of moving in a circle, about the need for an adequate perception of the reality of being based on the achievements of other sciences to increase its efficiency.

Keywords: legal relations; legal policy; legal regularities; regulators of public relations; regulators of interpersonal communication; naturalness of legal reality; artificiality of law; regime of legal dynamics; regime of legal sensations.

Cite as: Kolyushin EI. Homo Juridicus, yuridizirovannoe obshchestvo i gosudarstvo v estestvennosti pravovoy deystvitelnosti, ili Retsenziya na issledovanie: Serkov P. P. Pravootnoshenie. (Teoriya i praktika sovremennoy pravovoy politiki) [Homo Juridicus, a Legalized Society and the State in the Naturalness of Legal Reality. Review of the Study by P. P. Serkov: «Legal relationship. (Theory and Practice of Modern Legal Policy)». Moscow: Norma, 2023]. *Lex russica*. 2023;76(6):148-157. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.148-157. (In Russ., abstract in Eng.).

Выход в свет новой фундаментальной работы судьи высшей категории, доктора юридических наук, профессора П. П. Серкова дает основание утверждать о наличии целой серии монографий этого автора, посвященных разным

граням одной и той же проблемы — правоотношения¹. Открытие и разработка П. П. Серковым нового направления в исследовании правоотношений получило в литературе и высокую, и достаточно критическую оценку².

¹ Серков П. П. Правоотношение. (Теория и практика современного правового регулирования). М. : Норма, 2018 ; Он же. Правоотношение. (Нравственность современного правового регулирования). М. : Норма, 2020.

Следует обратить внимание на сознательный отказ автора от употребления в названиях книг, включая и рецензируемую, общераспространенного в исследованиях на названную тему термина «правоотношение» во множественном числе, что, однако, не препятствует повествованию о миллиардах совершаемых ежедневно правоотношений.

² См., в частности: Корнев В. Н. Правоотношение — основополагающий элемент системы правового регулирования общественных отношений // Российское правосудие. 2019. № 1. С. 13–18 ; Сырых В. М. Материалистические мотивы, разрушающие краеугольные камни позитивистской доктрины права // Там же. С. 18–29 ; Колюшин Е. И. Правоотношение как растворитель отраслей права или барьера между

По своему содержанию новое исследование выходит далеко за пределы его номинального названия, которое предполагает акцентирование внимания на месте правоотношений в правовой политике. Большая часть исследования является объемным, энциклопедическим по кругу использованных источников комментарием описываемой в предыдущих работах автора теории механизма правоотношений как юридической закономерности правового регулирования.

Из четырех глав только одна посвящена в основном анализу правовой политики и является *попыткой обоснования неизбежности построения правовой политики по лекалу указанной закономерности, претендуя на доктринальное переосмысление правового регулирования с учетом достижений многих гуманитарных наук, в том числе философии, социологии, психологии.*

Работа (две увесистые книги объемом почти в сто печатных листов) изобилует как прямыми ссылками автора на указанные выше собственные сочинения, так и напоминаниями о их существовании с многократным использованием предшествующих последующим рассуждениям различных вариантов отсылок к предыдущим работам («как было установлено в предыдущих исследованиях...», «учитывая результаты предыдущих работ...», «в предыдущих исследованиях...» и др.).

Подобно древнеримскому полководцу Катону Старшему, который все свои выступления в сенате завершал одной и той же посвященной печальной судьбе Карфагена фразой, профессор П. П. Серков любые пространственные рассуждения о праве, правоотношениях, правовой политике, правовой идеологии, правовой социализации, правовых принципах, нравственности, религии так или иначе заканчивает выводом о действии появившегося, по его мнению, в догосударственную эпоху принципа эквивалентности, паритетности субъективных прав и обязанностей, который обосновывался в предыдущих работах.

Автор продолжает настаивать на неизменности человека на протяжении тысячелетий (ч. 1, с. 801), на том, что «...развитие древнейшей цивилизации до образования государственности позволяет утверждать о наличии в ней “счастливых людей”» (ч. 1, с. 631–632) с правосознанием о равенстве. На уровне сноски к приведенной цитате следует заявление: «Ко всему прочему это значит, что доминирование правосознания о равенстве всех членов племени **изначально** (здесь и далее в цитатах воспроизводится авторский жирный шрифт. — Е. К.) было лишено неопределенности современного права за счет культивирования **правового регулирования** посредством эквивалентности прав и обязанностей» (ч. 1, с. 632).

Такой вывод потребовался для тотальной юридизации человека (*«homo juridicus»*) и общества (*«юридизированное общество»*). В нем, однако, можно найти и рациональное зерно, которое заключается в том, что нет прав без обязанностей. Надо исследовать не только права, но и обязанности. Справедливо констатируя: «...имеют место идейное засилье права и “дискредитация” обязанности» (ч. 1, с. 351), автор предлагает «...иной вид правопонимания, где обязанность, как и право, **равно естественна и позитивна**, как в научном восприятии идейного содержания правовых норм и их государственного психического принуждения, так и в их практическом применении в конкретных ситуациях» (ч. 1, с. 261).

Нельзя не согласиться с выводом о том, что в настоящее время сложилась ситуация «...**параллельного** изучения межличностного общения, его смыслов и способов, имея в виду, в частности, юридическую науку, богословие, политологию и психологию, поскольку в каждой отрасли позиционируется свой предмет и метод» (ч. 1, с. 495). Автор призывает к проведению *юридически* значимой структуризации аналитических результатов. А согласны ли с этим теологи, политологи, психологи?³ Может быть, они потребуют структуризацию теологическую, политологическую и/или психологическую, по-

теорией и практикой? // Там же. С. 30–35 ; *Он же*. Недонравственные правоотношения. Кто виноват? // Там же. 2020. № 12. С. 67–74.

³ Если обратиться к размещенным в предисловии книги статьям крупных ученых (политолога и психолога), то ответ на этот вопрос будет отрицательным. Первый дипломатично пишет о том, что «автор в ряде мест слишком много ожиданий возлагает на действие “естественных закономерностей”» (с. 22), а второй, в отличие от П. П. Серкова, признает приоритет высших потребностей над витальными (физиологическими) потребностями человека (с. 28) и наличие разных теорий деятельности человека.

лагая, что каждая из них имеет приоритет? Тем более что с позиции исследователя: а) нельзя смешивать политологическое и юридическое понимание идеологии (ч. 1, с. 577–578); б) отсутствует концептуальная согласованность между юриспруденцией и политологией (ч. 1, с. 611); в) политическая идеология часто выступает как дезорганизирующая сила для правовых процессов (ч. 1, с. 613).

Нельзя не обратить внимание на иное отношение автора к результатам работ других исследователей, которое, если брать только «сухой остаток», в значительной мере основано на «презумпции отрицания», внешними проявлениями которой являются многократные заявления типа: «нет доказательств...», «не доказано...», «не доказано отсутствие...», «вряд ли найдутся доказательства...».

Такие подходы к изложению материала, несомненно, свидетельствуют о стремлении автора, образно выражаясь, «не поступаться принципами», но при этом серьезно снижают даже для вдумчивого читателя возможности осмысления текста без обращения к его «предыдущим исследованиям». Они также как бы позволяют П. П. Серкову полностью абстрагироваться от высказанной ранее критики предлагаемой *теории, претендующей на роль единственно верной*, и, наконец, открывают большие просторы для нуллификации достижений юридической науки. К счастью, не все юридические традиции отрицаются как не имеющие доказательств. Так, на с. 533 части второй работы, «отдавая дань традиции», автор дает определение юридических закономерностей: «Таковыми являются **естественные** устойчивые логические конструкции, отображающие **нравственно оправданное** распоряжение диалектически **нераздельными** субъективными правами и субъективными обязанностями, включенными в сферу правового регулирования в целях **гарантированного обеспечения** субъективного и социального благополучия». При этом любимое авторское умозаключение: «...Исследователи, и не только российские, **не доказали отсутствие** юридических закономерностей...» (ч. 2, с. 525).

Часть вторая монографии имеет весьма непонятную структуру, состоящую из двух глав. Первая называется «Право — пространство неопределенностей», вторая — «Определенности правового регулирования». Неопределенностям посвящено более двух третей текста, а определенностям — в два с лишним раза меньше. Второй параграф второй главы посвящен

определенностям закономерностей правового регулирования. Автор пускается в рассуждения о возрасте государственности, подсчету не поддающихся определению миллиардов правовых действий за один день и приходит к выводу о том, что их динамика свидетельствует о самосохранении жизни. «Реальность юридических закономерностей для обычного зрения **не всегда видима, но всегда осязаема в правовых событиях естественности** правовой действительности, перманентно обновляя ее **правовое состояние**» (ч. 2, с. 504). О каких закономерностях идет речь? Можно строить разные предположения, т.к. таковые не сформулированы.

Особенность методологии исследования состоит и в том, что *правовая политика, позитивное право во всем мире подвергаются критическим оценкам («право спит»)* не прямо, а косвенно — через обращение к *правовой теории*, которая «...концентрируется на **искусственности права**, а не на **естественности самого человека** как **homo juridicus, юридизированного общества** и **юридической** сути государства, образующих **естественность правовой действительности**» (ч. 2, с. 247). Автор сетует на то, что в юридической науке невозможно назвать тему, не попавшую в поле зрения исследователей, но «научные воззрения не получается **соединить** в одну стройную теорию» (ч. 2, с. 22). «Множественность научных выводов должна стать историей. Ее **длительное** наличие парадоксально в той части, что юридическая наука обязана стремиться к истине, которая не может быть **многоликой**» (ч. 1, с. 183).

Отрицается общепринятый в российской юридической науке вывод о том, что *право является регулятором общественных отношений*: «При всей очевидности, что “между людьми” имеют место отношения, **нет доказательств** того, что в правовой сфере они являются сугубо общественными отношениями. Фактически они предстают **личными** отношениями. Тем более что общественных отношений **не может быть** в праве, ибо оно есть “объективированный процесс” за счет системы правовых норм, так как больше просто ничто не в состоянии выступить **креативным оформителем** отмеченной объективированности» (ч. 2, с. 152).

Неоднократно повторяется мысль о научном «кружении» вокруг того, что было сказано в прошлом. Думаю, что этот упрек небезоснователен. Он, однако, не в меньшей степени может быть адресован и самому П. П. Серкову, кото-

рый также «кружит» вокруг весьма простран-ных, порой занимающих более страницы типо-графского текста цитат из работ других авторов.

П. П. Серков возлагает на *юридическую науку, которая в отличие от права не регулирует ни общественные, ни личные отношения, ответственность за судьбы народов России и мира*, заявляя следующее: «В частности, не ясно, **что** история права **предвосхитила, от каких опасностей предостерегла** народы не только России, но и всего мира, будучи неотъемлемой частью правовой теории. Актуальность этих аспектов **особенно красноречиво** проявляется на контрасте того, что в XX веке произошли **две** мировые войны, **только** в России осуществлены **две** революции» (ч. 2, с. 401).

Обращение, судя по сноске, к анализу словаря немецкого языка приводит П. П. Серкова к представляющемуся небезосновательным выводу (без акцента на величину удельного веса причин споров): «Большая часть всех споров в мире возникает из-за того, что разные люди **совершенно по-разному** воспринимают одни и те же слова» (ч. 2, с. 67). Самому автору этого вывода бесполезно было бы более адекватно воспринимать слова других исследователей. Так, П. П. Серков не согласен с выводом, который изложен в следующей цитате из работы другого автора: «Сущность социализма состоит в том, что он есть феномен выражения объективных законов функционирования и организации сообществ людей в их относительно-самостоятельном бытии по отношению к неживой природе и себе подобным на уровне социального прогресса и развития человеческого в человеке» (ч. 2, с. 38).

При этом П. П. Серков позволяет себе вложить в воспроизведенный вывод удобные для его теории понятия и содержание, заявляя: «Вряд ли “объективные законы” не включают правовые нормы. <...> Необходимо объяснить причины, по которым советская философия и юриспруденция так и не сумели убедить политбюро ЦК КПСС руководствоваться “объективными законами”, если **юридическая** их суть была выявлена и обоснована». Следует заметить, что включение правовых норм в объективные законы социализма, юридическая суть которых выявлена, потребовалось для обоснования сомнения в существовании *советской законности, основанной на идеях и словах о диктатуре пролетариата* (ч. 2, с. 37). При

этом, однако, сознательно игнорируются общеизвестные теоретические положения и практика правового регулирования, исходящие из тех обстоятельств, что *идеи эти в советском праве и науке со времен Конституции СССР 1936 г. стали историей, а сама диктатура пролетариата всегда противопоставлялась другой диктатуре — диктатуре буржуазии*. Используя методологию П. П. Серкова, можно утверждать, что исследователями не доказано отсутствие диктатуры буржуазии.

Думается, что недооценка роли и значения права в советское время прежде всего объяснялась конструированием его как чисто надстроечного явления по отношению к базису, которому придавалось приоритетное значение. Трудно утверждать, что и в настоящее время традиция второстепенности права по отношению к экономике в России не только не сохранилась, но и за пределами юридической догматики является реально господствующей. Исторически в России в шкале социальных ценностей *право всегда проигрывало по сравнению с ценностями правды как высшей справедливости*. Неслучайно в предисловии к изданию, посвященному правовой мысли России в период с XI до середины XIX в., известные историки права Н. М. Золотухин и Е. А. Скрипилев пишут о некоем *семантическом приеме*, обращая внимание читателя на свойственную всем правовым документам того времени особенность выражения юридических категорий: «Термин “закон” обычно употребляется для обозначения форм реализации Божественной воли. Нормы, издаваемые верховной властью, воспринимались общественным мнением под термином “правда”. Этот семантический прием распространен в средневековой лексике не только в России (Русская Правда), но и в государствах Западной Европы (Салическая правда, Бургундская правда и т.д.).»

Для отечественного правосознания свойственно еще и соединение в понятии “правда” юридических и нравственных характеристик, ибо “правда” не только “право карать и милловать”, но и высшая справедливость.

В таком значении оба термина используются в России практически в Средние века и даже в Новое время»⁴.

Думается, что на самом деле речь идет далеко не о семантике, а о *кардинальном различии в правопонимании и правоустройстве*,

⁴ Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1999. Т. 4. С. 5.

связанном с признанием или игнорированием ценностей правды. Российские традиции поиска и борьбы за правду в отличие от Западной Европы и Америки весьма глубоки и устойчивы. Русская, советская и российская правовые системы традиционно относятся к романо-германской правовой семье, но это в большей степени внешнее проявление. В действительности *ценности правды как высшей справедливости по сравнению с ценностью права в России традиционно более значительны*. Думается, что для российской юридической науки, творчества и практики в настоящее время актуальной становится проблема *наполнения ценностями правды как высшей справедливости*. В этой связи следует заметить, что П. П. Серков ставит проблему выяснения юридической сути справедливости. (ч. 1, с. 230). Однако возникает вопрос: зачем это надо? Поиск в справедливости юридической сути прямо или косвенно предполагает наличие в ней и других «судей», например исторической, финансовой и прочей — вплоть до потери смысла! Может быть, реальный эффект даст *наполнение права ценностями правды как высшей справедливости*?

Следует обратить внимание на *оригинальность исследования в части обращения к методологии других наук*. Думается, что теоретически оправданное стремление строить юридические знания в том числе и с использованием достижений других наук (естественных и гуманитарных) может давать позитивный эффект только тогда, когда со стороны этих самых наук будет иметь место восприятие эффективности юридической науки для их собственного развития. К сожалению, в настоящее время подобного не наблюдается. Стремясь застраховаться от обвинений в юридическом догматизме и позитивизме, отмежевываясь от либерализма и марксизма, П. П. Серков впадает в новую крайность. Он приходит к следующему выводу: «Методология юридической науки... должна в целом соответствовать тому, что имеет место в естественных науках» (ч. 1, с. 245).

Автор считает странным разное понимание закона в праве и математике (ч. 1, с. 77), странной ситуацию, в которой различают закон как фундаментальную научную категорию (природы, общества, мышления и т.п.) и закон юридический (ч. 2, с. 72). В отличие от естественных наук, которые приспосабливаются к изучению формы и содержания естественной материи, юриспруденция этого не делает, а должна **заниматься аналогичным приспособлением**

к изучению естественности правовой действительности» (ч. 2, с. 23). В качестве образца для подражания приводится вирусология.

Глава вторая второй части работы начинается с параграфа, посвященного правовым урокам вирусологии, которые, по мнению автора, ведут речь «о **современной естественности** правовой действительности» (ч. 2, с. 473). А дальше, после цитирования рассуждений видного академика-вирусолога о ДНК, ДНК-копиях и РНК, утверждается: «...Юриспруденция аналогично вирусологии обязана исследовать отмеченную естественность, а не сосредотачиваться (причем приоритетно) на **искусственности** права» (ч. 2, с. 477). Думается, что *в части приспособления юридической науки даст фору наукам естественным*. Вопросы в том, *зачем принятую в науке действительность заменять на естественность и как ее определить, к чему приспособливаться, как квалифицировать эти приспособления?* Пандемия COVID-19 показала и несовременность, и искусственность правовой действительности во многих странах, включая Россию, которые вынуждены были устраивать и силовые, и медицинские, и правовые, и прочие гонки в борьбе с пандемией.

Если даже абстрагироваться от бесконечного воспроизведения по всему тексту слова «естественный» в разных падежах (например, на с. 343 ч. 1 оно употреблено 12 раз), то обосновываемая неизменностью природы человека, его физиологических и психических потребностей естественность правовой действительности на самом деле сплошь и рядом далека от этой самой *действительности как реальной жизни*.

Нынешние беспрецедентные санкции недружественных стран в отношении не только российского государства и чиновников, но и общества (дискриминация русского языка и культуры, непризнание и прямые запреты традиционных российских ценностей), считающиеся в этих странах легитимными другие трактовки таких прав человека, как право собственности, считавшееся до последнего времени абсолютным, право на свободу передвижения, свободу информации в отношении лиц, имеющих гражданство России, едва ли могут быть аргументами в пользу естественности правовой действительности. Известно, что имеется большое число и правовых норм, и целых нормативных актов, которые *фиктивны*. *Едва ли можно говорить о естественности правовой действительности как явления, тождественного*

естественности материи. Даже в естественных науках нет единства позиций по многим вопросам: от глобальных (происхождение жизни, Вселенной) до внешне обыденных (что чему предшествует: яйцо или курица?). «...Невозможно найти непротиворечивое определение поля ни в одном учебнике по физике. Однако физики умеют обнаруживать, например, электромагнитное поле по поведению зарядов, на которые оно воздействует»⁵.

Нельзя не обратить внимание на *противоречие продвигаемой автором с позиции естественного права идеи естественности правовой действительности с неоднократно заявленными им же выводами об искусственности права*. «Ранее неоднократно отмечалось, что право является сложноорганизованной **искусственной** идеей, оформленной соответствующими словами» (ч. 2, с. 163). На с. 581–582 утверждается, что «...если идейное содержание отдельно взятой правовой нормы... не будет корреспондировать принципам взаимности и паритетности субъективных прав и обязанностей, то правоотношение не возникнет или не будет развиваться. Иначе, по **сугубо юридическим показателям** надо констатировать, не правоотношение, а его подобие...» Следует обратить внимание на так называемые сугубо юридические показатели, для которых никакая действительность не существует.

Интересен, но внутренне противоречив (ч. 1, с. 221 и далее) применяемый по всему тексту метод анализа идей, слов и дел *в трех режимах: описательный, правовой динамики, правовых ощущений*. Сам автор признает: «...Понимание идеи **само по себе** имеет множество лиц как по содержанию, так и по происхождению» (ч. 2, с. 57). Думается, что проводить различие между идеями и словами право не в состоянии, потому что *идея без слов для права не существует*. Даже правовое регулирование искусственного интеллекта пока еще не отказалось от использования слов. Если идти по другому пути, то надо устанавливать механизмы бессловесного выявления идей, каковые в принципе науке о мозге, видимо, известны, и, что самое главное, *признавать юридическое значение бессловесных идей*.

Нельзя не обратить внимание на то, что режимы динамики и ощущений дополнены каждый прилагательным «правовой», а в описа-

тельном режиме такое дополнение почему-то отсутствует. А ведь описывать можно по-разному. Понятно, что филологическое описание будет отличаться от правового, а правовое — от финансового.

Автор пытается совместить несовместимое. Он заявляет: «...Сакральная природа принципов взаимности и паритетности проистекает из не поддающегося атеистическим объяснениям генезиса субъективных прав и обязанностей» (ч. 1, с. 544). Поскольку сакральность, как известно, строится на дистанцировании от реальности, постольку вывод признает приоритет теологических взглядов на человека и мир. В этом случае светские законы заведомо менее ценны по сравнению со святыми писаниями. Если же мы идем по пути правового государства, то последнее считает право одним из регуляторов общественных отношений, оставляя простор для действия других, в том числе и религиозных регуляторов. Вопрос в соотношении влияния, сил разных регуляторов. Очевидно, что теологические регуляторы имеют разное воздействие на людей верующих в Бога и атеистов.

Рассуждения автора о правовой политике являются одним из примеров «кружения» вокруг проблемы. Параграф «Понимание современной правовой политики» (ч. 1, с. 368–402) наполнен словами о стремлении к счастью, о разном понимании исследователями политических отношений, которое, по мнению П. П. Серкова, сводится к их описанию, об истинной политике, о сущности политической власти, о сущности государства, вследствие чего складывается убеждение в том, что эта самая *политика не воспринимается автором как самостоятельная и действенная ценность*: «...Не доказано, что политическая сфера обладает сугубо ей присущим инструментарием, способным претворять в дела политические идеи и слова» (ч. 1, с. 393).

Указав на то, что проведение выборов в России регулируется рядом федеральных законов, автор делает категоричный вывод: «Тем самым для предполагаемых политических отношений и в избирательном процессе элементарно не находится места» (ч. 1, с. 386). Между тем давно доказано, что выборы — это политика, т.к. речь идет о действиях большого числа людей (относительно большого, если

⁵ Пястолов С. М. Мобилизационный проект как предчувствие суперобщины // Независимая газета. 2023. 12 января.

речь идет о местных выборах) направленных на осуществление публичной власти. Действия эти регулируются не только правом, но и многими другими регуляторами, вплоть до психологии. Конституционное право избирать и быть избранным в органы публичной власти относится к числу политических (общественно-политических) прав, поэтому трудно согласиться с тем, что в его действии нет места для политических отношений. Нельзя забывать и о том, что избирательное право по разным причинам не регулирует многие общественные отношения, возникающие на выборах⁶.

Рассуждая очередной раз о государстве, П. П. Серков пишет: «...Сущность государства должна познаваться за счет не только названных элементарных характеристик (имеются в виду признаки государства. — Е. К.), но и тончайшей “вязи” режима **потаенных** ощущений чувств, эмоций и мотивов, не всегда осознанных, а подчас и подсознательных. Не доказано, что внешняя бесплотность названных психологических показателей не оказывает **прямого** воздействия на состояние социальной и правовой действительности» (ч. 1, с. 396–397). Между тем в государствоведении давно доказано *различие между признаками государства и его сущностью*. Что же касается отсутствия доказательств влияния психологии на социальную и правовую действительность, то и здесь П. П. Серков стучится в открытую дверь: такое воздействие едва ли можно отрицать, поэтому нет необходимости в поиске доказательств его отсутствия. Вопрос лишь в формах и степени воздействия.

В сухом остатке понимание автором правовой политики изложено в следующих цитатах: «В то же время в любом из приведенных примеров (имеются в виду восемь решений судов, которые П. П. Серков поместил на так называемый “испытательный стенд” и к которым неоднократно обращается по ходу исследования. — Е. К.) вряд ли получится четко различать, где заканчивается граница политических идей, слов и дел и начинаются идеи, слова и дела правового регулирования» (ч. 1, с. 401).

Автор полагает, что «...общество, если и разделяется **политическими** идеями, словами и делами, включая межпартийную конкуренцию, то **юридически** объединяется посредством возникновения и развития логической конструкции механизма правоотношений, основанной

на принципах взаимности и паритетности» (ч. 1, с. 402). В качестве рецепта предлагается: «Будучи **по природе лишенным идеологической** подоплеки, механизм правоотношений “равнодушен” к предпочтениям политических партий, а также “хладнокровен” к международным отношениям» (ч. 1, с. 326). Думается, что подоплеки не может не быть. Идеология не существует без идей, а ранее сам автор утверждал, что «в законотворческом сегменте **идеи** являются содержанием правовых норм...» (ч. 1, с. 169). Если это так, то идеология не может не быть как минимум *подоплекой, т.е. действительной, но скрытой причиной (одной из причин) появления правовой нормы*.

Трудно не обнаружить концептуальные противоречия между двумя выводами: «Продолжающееся **столетиями превалирование** идеологии над правом можно объяснить лишь тем, что **неопределенности** его **формы и содержания податливы** по отношению к **множественности** политически мотивированных точек зрения, гипотез и теорий» (ч. 2, с. 457–458). «То обстоятельство, что политические идеи, слова и дела предшествуют идеям, словам и делам правового регулирования, **не означает их доминирования** в социальной и правовой действительности. Напротив, это означает, что политические идеи, слова и дела могут **легитимно** реализовываться только посредством **введения** правового регулирования и в этом плане подчинены ему “и далее...” Вариативность правового и составляет суть политики...» (ч. 1, с. 401). Иначе говоря, в первом выводе автор признает *превалирование идеологии над правом*, а во втором — *отказывает ей в легитимности за пределами правового регулирования*. В чем же заключается превалирование?

Справедливо критикуя либеральную концепцию формирования общего идеологического пространства на международном уровне (ч. 1, с. 803–804), автор в то же время предлагает ее реализовать: «**Неизменность** логической конструкции механизма правоотношений и закономерности возникновения и развития способны формировать нравственно оправданную панораму **наднациональных** идеалов должного в качестве психологической **потребности** большинства мирового сообщества» (ч. 1, с. 839–840).

Стремление к полной юридизации человека, общества и государства постоянно наталкива-

⁶ См. об этом: Колюшин Е. И. Актуальные проблемы избирательного права России. М. : Проспект, 2019.

ется на «сопротивление» действительности. Автор не может не признать: «...Правовая действительность **объективно** является структурной частью социальной действительности. Эта действительность образуется за счет, в числе прочего, дружбы, любви, религиозной веры, не регулируемых идейным содержанием правовых норм» (ч. 1, с. 364).

Иначе говоря, социальная действительность справедливо разделяется на правовую и «неправовую» не в смысле незаконности, а в смысле недоступности для права. Думается, перечень «прочего» может быть значительно увеличен за счет включения в него нравственности, патриотизм и многих других ценностей. При этом автор, косвенно и достаточно робко намекая на отказ принципу верховенства права в существовании («...не поддается системной юридической детализации», но «общепринято позиционируется в качестве аксиомы политической и правовой идеологии» (ч. 1, с. 579), «до сих пор не дано исчерпывающего определения концепции верховенства права» (ч. 1, с. 143)), все-таки априори исходит из верховенства закона и права как самой главной ценности, которой должны быть подчинены все другие ценности социальной действительности.

В то же время он предъявляет юридической науке и практике заведомо утопичные требования *рассматривать правоотношения с позиции удовлетворения всех потребностям этих других ценностей*: «...**Любой** конфликт основан на явном или предполагаемом нарушении субъективных прав или обязанностей, поэтому названные категории должны **объек-**

тивно приоритетно признаваться **фундаментом** практики доказывания» (ч. 1, с. 476).

Работа насыщена новыми эпитетами, которые *заслуживают быть разобранными на цитаты*. Так, наделение права еще одной метафорой — «креативный оформитель» — весьма эффектно, красиво, но это говорится в главе, посвященной праву как пространству неопределенностей и едва ли соответствует многократно повторяемым автором требованиям к юридическому исследованию, которое должно быть *конкретным*. В перечень подобных эпитетов можно было бы включить и такие, как: «юридическая сущность человека» (ч. 2, с. 107), «состояния ощущений юридической доказуемости и проверяемости» (ч. 2, с. 124).

Рецензируемый труд, несомненно, выделяется в ряду юридических исследований и займет в нем уникально-почетное место. Наполненное энергией и опытом крупного ученого и практика оригинальное исследование профессора П. П. Серкова в конструктивных его положениях ориентирует и юридическую науку, и политологию на необходимость сокращения неизбежно существующей дистанции между политикой и правом за счет учета механизмов возникновения, развития и завершения правоотношений.

В своей полемической части монография справедливо предупреждает юридическую науку об опасности движения по кругу, о необходимости адекватного восприятия реальности бытия при опоре на достижения других наук с целью повышения коэффициента своего полезного действия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. — М. : Мысль, 1999.
2. Колюшин Е. И. Актуальные проблемы избирательного права России. — М. : Проспект, 2019. — 224 с.
3. Колюшин Е. И. Правоотношение как растворитель отраслей права или барьера между теорией и практикой? // Российское правосудие. — 2019. — № 1. — С. 30–35.
4. Колюшин Е. И. Недонравственные правоотношения. Кто виноват? // Российское правосудие. — 2020. — № 12. — С. 67–74.
5. Корнев В. Н. Правоотношение — основополагающий элемент системы правового регулирования общественных отношений // Российское правосудие. — 2019. — № 1. — С. 13–17.
6. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : в 3 ч. Ч. 2 : Очертания правовой универсальности; Ч. 3 : Закономерность правовых закономерностей. — М. : Норма, 2018. — 1088 с.
7. Сырых В. М. Материалистические мотивы, разрушающие краеугольные камни позитивистской доктрины права // Российское правосудие. — 2019. — № 1. — С. 18–29.

Материал поступил в редакцию 1 февраля 2023 г.

REFERENCES

1. Antologiya mirovoy pravovoy mysli: v 5 t. [Anthology of world legal thought: in 5 vols.]. Moscow: Mysl Publ.; 1985. (In Russ.).
2. Kolyushin EI. Aktualnye problemy izbiratel'nogo prava Rossii [Topical issues of the electoral law of Russia]. Moscow: Prospekt Publ.; 2019. (In Russ.).
3. Kolyushin EI. Pravootnoshenie kak rastvoritel otrasley prava ili barera mezhdru teoriey i praktikoy? [Legal relationship as a solvent of branches of law or a barrier between theory and practice?]. *Rossiyskoe pravosudie [Russian justice]*. 2019;1:30-35. (In Russ.).
4. Kolyushin EI. Nedonravstvennyye pravootnosheniya. Kto vinovat? [Non-moral legal relations. Who is to blame?]. *Rossiyskoe pravosudie [Russian justice]*. 2020;12:67-74. (In Russ.).
5. Kornev VN. Pravootnoshenie — osnovopolagayushchiy element sistemy pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy [Legal relationship — a fundamental element of the system of legal regulation of public relations]. *Rossiyskoe pravosudie [Russian justice]*. 2019;1:13-27. (In Russ.).
6. Serkov PP. Pravootnoshenie (Teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya): v 3 ch. [Legal relationship (Theory and practice of modern legal regulation): in 3 parts]. Ch. 2: Ochertaniya pravovoy universalnosti; Ch. 3: Zakonomernost pravovykh zakonomernostey [Part 2: Outlines of legal universality; Part 3: Regularity of legal regularities]. Moscow: Norma Publ.; 2018. (In Russ.).
7. Syrykh VM. Materialisticheskie motivy, razrushayushchie kraeugolnye kamni pozitivistskoy doktriny prava [Materialistic motives that destroy the cornerstones of the positivist doctrine of law]. *Rossiyskoe pravosudie [Russian justice]*. 2019;1:18-29. (In Russ.).